

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

*М.В. Авдеева**

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ключевые слова. *Международное уголовное, законодательная техника, имплементация, ратификация, международные преступления, преступления международного характера, конвенционные преступления.*

Avdeeva M.V. Features of technique of implementation of international criminal law norms into Russian legislation.

The implementation is presented in the article as a difficult legal process that aims to fulfill state international obligations by the state to bring national legislation into conformity with international standards recognized by the state. The main attention is focused on the technical issues of implementation of international criminal law. On the basis of the particular examples of implementation of the provisions of international treaties the author demonstrates the possibility of formulating recommendations for more effective adaptation of international criminal law into Russian criminal law.

Вступление в новый этап взаимоотношений между государствами ознаменовано появлением до сих пор беспрецедентных правовых явлений. Существовая долгое время лишь в форме научной идеи, международное уголовное право стремительно развилось и сформировалось до уровня полноценной отрасли в рамках глобальной правовой системы международного публичного права. Международное уголовное право можно определить как отрасль международного публичного права, нормы которой устанавливают обязанность государств по криминализации (пенализации) конкретных преступлений, названных международными актами, иные меры по борьбе с ними, а также разрешают уголовно-процессуальные и уголовно-исполни-

© Авдеева М.В., 2012.

* Аспирантка кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (jurisdictia@gmail.com).

тельные вопросы в межгосударственных отношениях как применительно к международным преступлениям, так и к преступлениям международного (трансграничного) характера. В тематической литературе можно встретить такую «разбивку» предмета международного уголовного права на элементы, в которой выделяются следующие подсистемы: право международных уголовных трибуналов, право, регулирующее сотрудничество государств в борьбе с преступностью («транснациональное уголовное право»), совокупность международно-правовых и внутригосударственных норм, определяющих взаимоотношения между национальными уголовными порядками в вопросах юрисдикции, экстрадиции, признания иностранных приговоров и т.п. («уголовное коллизийное право»). Особняком стоит уголовное право региональных интеграционных объединений, например европейское уголовное право (Европейского союза)¹. Если ориентироваться на данное определение элементов системы международного уголовного права, то данная статья посвящена исследованию технических особенностей имплементации материальных норм транснационального уголовного права.

Международные договоры, заключаемые с целью всеобщей криминализации особо опасных для мирового сообщества и правопорядка деяний либо криминализации (или пенализации) деяний, имеющих трансграничный эффект, всегда содержат более или менее подробное описание называемого деяния, в противном случае подобного рода меры не имели бы никаких действительных последствий. Поэтому международные договоры, как правило, содержат дефиницию преступления, которая чаще всего носит описательный характер и не имеет строгой логической структуры. Обычно она формулируется как перечень всех возможных объективных признаков общественно опасного деяния, которое угрожает межгосударственным или международным интересам. Однако использование отсылки в национальном законодательстве на такие положения международных договоров представляется проблематичным ввиду их расплывчатости, равно как и их прямая рецепция национальным законодательством. Ведь именно такая ситуация складывается в тех случаях, когда международный договор содержит широкий ряд синонимичных по своей природе признаков. Подробно рассмотрим конкретный, подтверждающий это суждение пример. Так, согласно пп. «i» п. «а» ст. 3 Конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» 1988 года, участвующие государства приняли на себя обязательства по признанию уголовно наказуемыми в соответствии со своим внутренним законодательством следующих действий:

¹ Международное право и национальное законодательство. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Эксмо, 2009. С. 603–604.

производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества². Признак производства криминализован ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), российская доктрина и практика подразумевает под ним изготовление, совершаемое в промышленных масштабах³. Приготовление и экстрагирование по сути являются частными случаями изготовления, более объемного по содержанию признака, криминализованного в таком общем виде ст. 228 УК РФ. Поэтому данные понятия могут использоваться как примеры при казуистическом толковании данного признака. Простое предложение и предложение с целью продажи, очевидно, по российскому законодательству, будут являться покушением на сбыт наркотических средств или психотропных веществ, а значит, обязательство Российской Федерации по криминализации этого признака исполнено посредством совместного действия ст. 228.1 и ст. 29 и 30 УК РФ, устанавливающих основание уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность. Распространение, продажа, поставка на любых условиях, импорт и экспорт – все это различные формы сбыта, синонимы этого понятия, а потому в российском уголовном законе они не названы, хотя могут успешно использоваться для толкования соответствующей запретительной нормы. И тем не менее, поскольку импорт и экспорт связаны с перемещением предмета сделки через таможенную границу, отметим, что, помимо состава сбыта наркотических средств и психотропных веществ, такое действие по российскому законодательству образует по совокупности еще и состав контрабанды – соответствующая часть ст. 229.1 УК РФ. Посредничество образует соучастие, в зависимости от того, на чьей стороне действует пособник – сбытчика или приобретателя⁴. Переправка и транзитная переправка синонимичны пересылке, названной

² Интернет-версия Справочной правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121092>

³ Так, пункт 12 Постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» дает ему следующее определение: «совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств или веществ из растений, химических и иных веществ (например, с использованием специального химического или иного оборудования, производство наркотических средств или психотропных веществ в приспособленном для этих целей помещении, изготовление наркотика партиями, в расфасованном виде) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2006.

⁴ Указанное постановление, п. 13.

в ст. 228.1 УК РФ, а транспортировка созвучна с перевозкой в ст. 228 УК РФ. Однако понятие «перевозка» имеет заметно больший объем, так как в отличие от понятия транспортировки, под которой обычно принято понимать перевозку довольно габаритного груза, использование специальных технических средств для этого, «перевозка» не несет какой-либо смысловой нагрузки применительно к характеру перемещаемого груза.

Таким образом, имплементация подобного рода формулировок в российское уголовное законодательство путем прямого воспроизводства текста международного договора представляется затруднительной в связи с некоторой их нечеткостью, множественностью повторов и, как следствие, отсутствием того уровня лаконичности, который требуется для уголовно-правовых законодательных конструкций.

В ином случае, если состав преступления в международном договоре будет сформулирован вполне-таки самодостаточно, в Российской Федерации его непосредственное применение невозможно, даже несмотря на положение ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, что, однако, является небесспорным в научной среде. Встречается такое мнение: «Если нормы международного уголовного права не трансформированы в национальное законодательство, то дознаватели, следователи, прокуроры и судьи при соблюдении требований названной конституционной нормы вправе ссылаться в своих решениях на конкретные нормы международного договора. Однако более эффективным будет приведение российского уголовного права в соответствие с международными договорами»⁵. Не вызывает сомнений, что приведение российского уголовного права (хотя здесь более приемлемо говорить о законодательстве, а не о праве) в соответствие с международными договорами не только будет более эффективным в деле правоприменения шагом, но и, более того, является обязательным к исполнению. И тем не менее далеко не все нормы международного уголовного права могут непосредственно применяться российским правоприменителем, отражение этого принципа можно наблюдать в положении ч. 1 ст. 1 УК РФ о том, что новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в кодекс. Поэтому даже такие положения актов международного права, которые не содержат признаков составов преступлений, но влияют на содержание положений Общей части УК РФ, например, расширяют границы наказуемости неоконченной преступной деятельности или ответственности соучастников преступления, не могут иметь непосредственного применения на территории Российской Федерации. Любое подобного рода предписание становится действительным в государстве, участвующем в международном договоре, только в случае его имплементации в национальное уголовное

⁵ Панов В.П. Международное уголовное право. М.: Инфра-М, 1997. С. 6.

законодательство. При этом под имплементацией понимается не только придание юридической силы нормам международного уголовного права на территории, находящейся под юрисдикцией данного государства, но и его адаптация применительно к терминологии и юридическим конструкциям, присущим правовой системе этого государства. Таким образом, имплементации подвергается норма права, а инкорпорации – текст закона. Важно и то, что нормы международного уголовного права никогда не предусматривают конкретных санкций за преступление, равно как и их дифференциацию в составах, содержащих специальные квалифицирующие признаки. Максимально, что предусматривают международные договоры, – это применение конкретных видов наказаний без указания их сроков или размеров. Так, в пп. «а» ч. 4 ст. 3 Конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» 1988 года среди наказаний, которые участвующие государства обязаны применять за правонарушения, предусмотренные Конвенцией, названы тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штрафные санкции и конфискация. Конвенция ООН против коррупции 2003 года в ч. 7 ст. 30 предписывает участвующим государствам, когда это является обоснованным с учетом степени опасности преступления, рассматривать возможность установления процедур для лишения на определенный срок лиц, осужденных за преступления, предусмотренные Конвенцией, права занимать публичную должность и занимать должность в каком-либо предприятии, полностью или частично находящемся в собственности государства⁶.

Существует несколько основных способов внутригосударственного осуществления международных договорных обязательств, способов придания юридической силы актам международного уровня на уровне национальной юрисдикции: автоматическая интеграция, материальная инкорпорация, формальная (процедурная) инкорпорация⁷. Однако по сути данная классификация разрешает лишь вопрос определения места договора, а также технического способа санкционирования его юридической силы как особого рода источника права в национальной правовой системе, не касаясь при этом вопросов интеграции самой правовой материи, норм и институтов уголовного права, выработанных на международном уровне, в национальную правовую систему. Применительно же к рассматриваемым проблемам законодательной техники имплементации этот вопрос имеет лишь вспомогательное,

⁶ Интернет-версия Справочной правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121140>

⁷ Подробное описание этих способов дано в работе Осминина Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. М.: Информпик Медиа, 2010. С. 180.

а не первоочередное значение. Очевидно, что автоматическая интеграция текста договора в его изначальном виде в национальное законодательство, а также формальная интеграция, отличие которой лишь в том, что действие договора санкционируется иным национальным актом законодательного или административного характера, являются не самыми подходящими для норм международного уголовного права способами исполнения обязательств, принимая во внимание всю специфику таких норм. Так, Российская Федерация, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ объявляет общепризнанные нормы и принципы международного права составной частью правовой системы государства. В связи с этим положением РФ относят к государствам, использующим способ автоматической интеграции для исполнения своих международно-правовых обязательств, поскольку с момента вступления в силу международного договора договор автоматически, без необходимости издания актов законодательного или административного характера, инкорпорируется в национальную правовую систему. И все же есть случаи, когда международные договоры или отдельные договорные положения в силу своего несамоисполнимого характера могут нуждаться в принятии имплементационного законодательства, что прямо не предусмотрено конституционными положениями. В таких случаях реализация международных договорных обязательств осуществляется в порядке материальной инкорпорации, т.е. «воспроизведения в той или иной форме содержания договора, его правил в акте законодательного или административного характера в целях адаптации к особенностям национального законодательства»⁸. В то же время материальная инкорпорация подразумевает лишь воспроизведение текста международного договора в национальном правовом акте. При таком способе источники международного права не признаются частью национальной правовой системы, поэтому для придания им юридической силы их текст дублируется актом государственного уровня. При формальной (процедурной) инкорпорации международные договоры имеют в национальной правовой системе опосредованное действие, эквивалентное юридической силе санкционирующего их действие национального правового акта в национальную правовую систему. Вопрос том, будет ли терминология международного акта адаптирована к национальным уголовно-правовым институтам, в рамках данного способа не разрешается, поскольку является вопросом законодательной техники, вопросом, так сказать, текста, содержания акта, а не вопросом его формы, юридической силы источника.

Во многом именно поэтому автоматическая интеграция международных договоров, содержащих новые составы преступлений, их признаки или

⁸ Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 190–191.

требования к установлению определенных наказаний государствами-участниками, принципиально невозможна. По большей части это обусловлено особой самобытностью норм уголовного права каждой национальной правовой системы. В связи с этим внедрение в традиционные институты национального уголовного права международных элементов выявляет их особенную чужеродность на фоне первых. Однако современные реалии таковы, что способы, последствия преступных посягательств все чаще относятся к сфере межгосударственных отношений. В таких условиях традиционность и консерватизм уголовно-правовых национальных институтов неизбежно сталкивается с объективной потребностью государств обеспечить безопасность на уровне международного сотрудничества. Поэтому особо важно звучит теперь вывод о том, что «международное право, обязывая государства соблюдать международные договоры, налагает обязательство, нацеленное на результат, а не на средства его достижения. Пути достижения результата, место, которое отводится международным договорам в иерархической системе источников внутригосударственного права, могут быть различными у разных государств, но сам результат должен быть одинаков – выполнение принятых международных договорных обязательств»⁹. Позиция Российской Федерации в вопросе исполнения своих обязательств по международным договорам, содержащим предписания криминализовать (или пенализовать) определенные деяния, доходчиво и кратко была изложена Верховным Судом РФ в тематическом постановлении Пленума: «Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года). Исходя из ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации. В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Рос-

⁹ Осминин Б.И. Указ. соч. С. 178–179.

сийской Федерации (например, ст. 355 и 356 УК РФ)»¹⁰. В литературе справедливо отмечается, что «международно-правовая норма должна вноситься в национальное законодательство одним и тем же федеральным законом о ратификации международного договора, что предотвратит возникновение ситуации, при которой международный договор имеет действие на территории РФ, так как был ратифицирован, но отсутствие адаптированной нормы в уголовном законодательстве будет препятствовать его непосредственной реализации»¹¹. Для исполнения государством международных обязательств в области международного уголовного права особое значение имеет учет принципа *lex posterior derogate lex priori* («последующий закон отменяет предыдущий»). Необходимо, чтобы последующие уголовные законы не устранили и не вносили изменений в закон, принятый в обеспечение Российской Федерацией своих международно-правовых обязательств. В этом, в том числе, заключается исполнение Российской Федерацией своих международно-правовых обязательств. Поэтому особую значимость для эффективного действия норм международного уголовного права имеет то обстоятельство, что различного рода ссылки участника международного договора на положения своего внутреннего права, а также на несомоисполнимый характер договора не могут рассматриваться как основание для невыполнения положений международного договора.

Международное уголовное право отражает особенности как международного права, так и национального уголовного права. Находясь в зависимости от достижений национального уголовного права развитых государств, имеющих на данном этапе, оно одновременно влияет на его дальнейшее развитие путем последующей за выработкой международно-правовых норм координацией правовых систем. Вполне закономерно, что при разработке международных договоров уголовного характера часто заимствуется опыт наиболее развитого в отношении юридической техники государства. Однако реалии таковы, что подобное рецепирование во многих случаях может являться результатом политического влияния наиболее развитого в экономическом отношении государства. Поэтому особенно важно учитывать, что институты и категориальный аппарат одной правовой системы могут быть принципиально не совместимыми с таковыми иной. Такое положение складывается в силу того, что на формирование любой отрасли национального

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», п. 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2003.

¹¹ См. об этом: *Кибальник А.Г.* Введение в международное уголовное право. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. С. 196–197.

права влияет множество юридических и неюридических факторов внутреннего порядка, в особенности это касается такой отрасли права, с изначально низкими способностями к межгосударственной интеграции, как уголовное право. Отсутствие возможности гармонизации норм уголовного права различных государств обусловлено высокой степенью самобытности этой отрасли для каждой страны, ее зависимостью от культуры, традиций и степени демократизации каждого конкретного общества.

Международный договор обычно не устанавливает всех признаков состава преступления. Правильнее будет сказать, что международное уголовное право называет дефиницию преступления, оставляя проблему конструирования соответствующего состава преступления национальному законодателю, который должен учесть названные в определении признаки и укомплектовать их недостающими, основываясь на принципах и традициях собственной национальной системы. В таких случаях национальный законодатель сам «доконструирует» состав. Разберем результаты этого технического аспекта имплементации на отдельном примере. Так, сопоставим деяния, которые согласно ст. 6 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года¹² участвующим государствам предписано криминализовать, с их эквивалентами в российском уголовном законе:

1) Конверсия или передача имущества, если известно, что это имущество является доходом, полученным преступным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного преступления, избежать правовых последствий своих деяний (Конвенция) – совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (ст. 174 УК РФ). В российском уголовном законе в общем составе «отмывания» была использована открытая формулировка – «финансовые операции и другие сделки», что следует признать удачным решением с позиции российской гражданско-правовой доктрины. Ведь согласно ч. II ст. 421 ГК РФ стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами¹³. Поэтому формулировка «финансовые операции

¹² Интернет-версия Справочной правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15916>

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть II // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. ст. 410, в ред. Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 363-ФЗ, СЗ РФ. 05.12.2011. № 49 (ч. 1), ст. 7041.

и другие сделки» представляется куда более емкой и юридически корректной, чем «конверсия или передача имущества». Такие признаки субъективной стороны, как наличие осведомленности (заведомость) о приобретении имущества другими лицами преступным путем и цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, также являются удачными примерами «юридического перевода» тех же признаков, названных в Конвенции и описанных как «...если известно, что это имущество является доходом, полученным преступным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного преступления, избежать правовых последствий своих деяний». Однако необходимо особо учесть, что если виновное лицо преследует цель помочь виновному в основном преступлении лицу избежать правовых последствий своих деяний, то содеянное в таком случае по российскому уголовному закону должно квалифицироваться как пособничество в соответствующем преступлении (в других случаях возможна и квалификация по ст. 175, 316 УК РФ).

2) Утаивание или сокрытие действительной природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него, если известно, что это имущество представляет собой доход, полученный преступным путем (Конвенция): в данном случае подразумевается информационная сторона «отмывания», то есть по российскому уголовному законодательству будет образовывать состав преступления в том случае, когда лицо было обязано сообщить о выявленных или допускаемых нарушениях, однако не сделало этого. То есть в большинстве подобных случаев речь будет идти о должностном преступлении или же о соучастии в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества.

3) Приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения было известно, что оно является доходом, добытым преступным путем (Конвенция): по сути альтернативная формулировка уже изложенного нами в пункте 2 деяния дается самой Конвенцией. Пожалуй, это сделано с целью особо подчеркнуть многоаспектность преступного деяния, зависимость его объективной стороны от роли субъекта – ст. 174 УК РФ подразумевает в качестве такового участвующее в незаконной сделке лицо, не имеющее отношения к преступлению, в результате которого было добыто имущество, приобретенное другими лицами преступным путем. Статья 174.1 УК РФ призвана квалифицировать преступные действия лица, которое добыло имущество преступным путем.

4) Участие или соучастие в любом из названных преступлений или в покушении на его совершение, а также за помощь, подстрекательство,

содействие или консультирование в связи с совершением такого преступления (Конвенция): любые формы соучастия в описанных преступных посягательствах повлекут в соответствии с российским уголовным законом уголовную ответственность в силу общих положений о соучастии, которые применительно к каждому отдельному преступлению повторять не обязательно. То же самое применимо и к покушению на описанные деяния – в силу положений ст. 29 и 30 УК РФ виновное лицо будет нести уголовную ответственность за неоконченную преступную деятельность. Поэтому указание в международных актах на такие обстоятельства и признаки совершенного преступления, которые в российском уголовном праве традиционно относятся к общим положениям, не требуют какого-либо отдельного повторения. Если же какое-то предписание подобного рода обладает особой спецификой по сравнению с уже имеющимся общим, то его следует оформить как примечание к статье, содержащей соответствующий состав.

Наибольшую сложность при «перевode» состава преступления из международного договора в российский уголовный закон представляет особая казуистичность первого. При заключении международного договора его участники, как правило, стремятся охватить наибольший круг общественно опасных деяний, совершаемых самыми различными способами, а потому перечисление такого круга возможных признаков конкретного деяния зачастую изобилует синонимами, выражающими в переводе на русский язык по сути одно и то же действие. При возникновении подобных ситуаций, прежде всего, необходимо опираться на цель, преследуемую соответствующим международным соглашением. Исходя из ее сопоставления с кругом действий-бездействий, а также иных названных признаков состава преступления, определяется точный круг деяний, подлежащий криминализации (или пенализации) согласно данному международному договору. Названные в тексте оригинального договора признаки состава могут в своей совокупности составлять объем единого понятия, выражаемого в русском языке одним словом. Так, например, традиционно в российском уголовном праве понятие сбыта или передачи какого-либо объекта означает любые формы его отчуждения, совершенные различными способами.

Если международный договор предписывает государствам-участникам особо усилить уголовную ответственность за совершение названного деяния с определенным квалифицирующим признаком, то в национальном законодательстве необходимо отдельно воспроизвести этот состав преступления с указанным признаком. Называя какие-либо квалифицирующие признаки, международный договор обязывает государства учесть их в своих правовых системах наряду с основным составом. Поскольку все положения международного договора обладают равной юридической силой, то и подоб-

ного рода предписания нельзя рассматривать как имеющие лишь факультативный статус, любой названный квалифицирующий признак по сути обозначает отдельную разновидность основного состава. Поэтому введение квалифицирующего признака в национальное законодательство является такой же частью обязательств государства, как и введение в национальное законодательство конкретного преступного деяния или усиления уголовной ответственности за него. Сам такой признак, как правило, носит отягчающий характер. Однако встречаются и достаточно редкие примеры предписаний предусмотреть возможность смягчения наказания. Так, согласно ч. 2 ст. 37 Конвенции ООН против коррупции 2003 года, «каждое участвующее государство рассматривает вопрос о том, чтобы предусмотреть возможность смягчения в надлежащих случаях наказания обвиняемого лица, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, признанным таковым в соответствии с Конвенцией»¹⁴. Однако этот и другие подобные ему примеры говорят о смягчающих наказании обстоятельствах, а не о каких-либо признаках, конструирующих квалифицированный по отношению к основному составу. Поэтому такие положения в большинстве случаев не следует дублировать в примечаниях к соответствующим статьям, так как в своем содержании они особой специфики не содержат и в полной мере могут быть реализованы посредством уже имеющихся положений Общей части (например ст. 61, 62 и 64 УК РФ). В любом случае, состав с названным в международном договоре квалифицирующим признаком должен найти отражение в тексте уголовного закона или в качестве самостоятельной части (пункта) соответствующей статьи или же в качестве отдельной статьи. Конкретное решение о способе структурного размещения такого состава в УК РФ во многом обуславливается степенью и характером его общественной опасности и специфики по сравнению с основным составом, поэтому вопрос его размещения в тексте УК РФ должен решаться в каждом конкретном случае с учетом специфики деяния, особенно – его объекта.

В заключение сформулируем основные выводы нашего небольшого обзора научных идей и практических идей их реализации:

1. Имплементация норм международных договоров уголовно-правового характера, участницей которых является Российская Федерация, – ее неотъемлемое обязательство, которое реализуется высшим законодательным органом власти путем адаптации и инкорпорации их положений в УК РФ.

¹⁴ Интернет-версия Справочной правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121140>.

2. Технические особенности процесса имплементации должны опираться на специфику и традиции уголовного законодательства.

3. При имплементации норм международных договоров необходимо соблюдение общего принципа законодательной техники – достижение наибольшей ясности и доступности восприятия нормативного правового акта для первичного адреса уголовно-правовой нормы – гражданина.

Таким образом, выработка конкретных юридико-технических правил имплементации норм международного уголовного права в российское уголовное законодательство во многом зависит от сложности и задач имплементации конкретного такого договора. Однако на основе обобщения таких примеров возможна выработка общих рекомендаций, призвание которых – служить делу совершенствования законодательной техники на пути становления правовой системы новой России.